

Фашистский плен

Особенно жестоким было отношение фашистов к советским военнопленным. Об этом говорят нам сведения из жизни первого комсомольца Далёковского сельского совета Бабуля Владимира. Родился Бабуль Владимир в 1927 году в д.Жернелишки. Когда началась война, ему исполнилось только четырнадцать, но несмотря на свой возраст, Владимир становится партизанским разведчиком. В 1943 году, когда Володя выполнял задание около Браслава, на реке Друйка, его схватили фашисты. Его долго мучили, но не слышали ни одного слова из уст мужественного партизана. Еле живого юношу отвезли в Даугавпилскую тюрьму. Там тоже мучили: жгли ноги, вырывали ногти, но Володя всё равно молчал. Когда войска Красной Армии подходили к городу, эсесовцы бежали, забрав с собою больше тысячи пленных. По реке Даугава вышли в море, там они хотели расстрелять пленных. Их заметила английская авиация и начала бомбардировку. Корабль загорелся, фашисты начали бросать в трюмы с пленными гранаты и расстреливать их из автоматов. Володя со своими товарищами прыгнули в воду. Измученный пытками, голодом, юноша потерял сознание. Очнулся уже только в военном госпитале. В 1946 году Володя вернулся домой. Наш первый комсомолец погиб в 1950 году от рук бандитов, которые ещё долго после войны орудовали в лесах и охотились на местных активистов.

Из воспоминаний М.И.Вершинина, командира отряда имени Суворова партизанской бригады Жукова: "Я участвовал в боях под Краславой, где был контужен, ранен и попал в плен. Вместе с другими бойцами меня бросили за колючую проволоку. Ни барачных, ни шалашей. Спали на земле, под открытым небом. Питались сырым картофелем, восемь клубней на день, а к этому – ни воды, ни хлеба. Раны гноились без медицинской помощи. По малейшему поводу нас избивали и расстреливали. Смертность была страшной. Позже нас перевели в лагерь в Резекне. Но и здесь было то же: эрзац-хлеба 50 граммов в день, утром отвар какой-то травы с сахарином, на обед баланда из нечисленного картофеля. Всё это варилось без соли. С наступлением зимы смертность в Резекненском лагере достигла трёхсот человек в день. Пленные рыли ямы, сносили туда умерших. Случалось видеть, как обессиленного пленного гитлеровцы сталкивали в яму и закапывали живым. В феврале 1942 года нас перевезли в Даугавпилс. Ехали в товарных неотапливаемых вагонах. Половина измождённых людей померзла и погибла в пути. Этих свезли в ров, а нас разместили в землянках. В Даугавпилском лагере нас кормили не лучше:

в баланде можно было увидеть осоку, лягушек, сырую рыбу. И по-прежнему всё без соли. Мы съели всю траву на территории лагеря. Я сильно ослабел, на теле появились пролежни. До второй зимы я бы не дожил. Но, к счастью, немцы отправили нашу группу на работу в карьер у д.Римши под охраной 12-ти полицаев. Общаться с населением нам не разрешали, но крестьяне-латыши ухитрялись незаметно передавать нам продукты. Передали и карту местности. Бежали мы (нас было пятеро) в июле 1943 года. Пробирались ночами, искали партизан. Вышли в д. Линковщина к дому Семёна Ефимовича Пушкарёва, который вызвал надёжных людей. И они проводили нас в партизанский отряд бригады имени Жукова”.